

ЗЛОБИН Максим,
аспирант Московской Духовной Академии

УЧЕНИЕ А.С. ХОМЯКОВА О СПАСЕНИИ И ПЕРВОРОДНОМ ГРЕХЕ

Аннотация: Учение о спасении (сотериология) является краеугольным камнем православного Предания. Сотериология непосредственно связана с учением о первородном грехе. В своей статье автор пытается рассмотреть сотериологические взгляды и связанные с ними воззрения русского религиозного мыслителя А.С. Хомякова (1804–1860) на первородный грех, ответить на вопрос о том, насколько они соответствуют Преданию Православной Церкви, выделить достоинства и слабые стороны учения Хомякова на эту тему.

Ключевые слова: Православная Церковь, Православие, святые отцы, сотериология, первородный грех, славянофильство, А.С. Хомяков.

ZLOBIN Maxim,
post-graduate student
of the Moscow Theological Academy

A.S. KHOMYAKOV'S DOCTRINE OF SALVATION AND ORIGINAL SIN

Abstract: The doctrine of salvation (soteriology) is the cornerstone of Orthodox Tradition. Soteriology is directly related to the doctrine of original sin. In his article the author tries to consider the soteriological views and related views of the

Russian religious philosopher A.S. Khomyakov (1804–1860) on original sin, to answer the question of how they correspond to the Tradition of the Orthodox Church, to highlight the advantages and weaknesses of the teachings of Khomyakov about this topic.

Keywords: Orthodox Church, Orthodoxy, the Holy Fathers, soteriology, original sin, Slavophilism, A.S. Khomyakov.

Учение о спасении (сотериология) является краеугольным камнем православного Предания. Именно оно стало причиной появления догматов Церкви, ибо выразило суть апостольского и святоотеческого духовного опыта, целью которого всегда было спасение человеческой души, преобразование человеческого естества и обожение человеческой личности.

В этой небольшой статье мы попытаемся рассмотреть сотериологические взгляды и связанные с ними воззрения русского религиозного мыслителя Алексея Степановича Хомякова (1804–1860) на первородный грех, а также ответить на вопрос о том, насколько они соответствуют Преданию Православной Церкви.

Размышление о спасении человека необходимо начать с разговора о первородном грехе, ибо православная сотериология строится на этом. Так, согласно святителю Игнатию (Брянчанинову), «в первородном грехе заключается семя всех страстей... и потому не стоит удивляться проявлению и восстанию ни одной страсти»¹. Хомяков, пытаясь объяснить последствия первородного греха, размышляет в духе святых отцов о том, что грехопадение наших прародителей привело к плачевному результату — оно исказило нашу природу, сделало ее испорченной и болезненной, подверженной страда-

¹ *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Сочинения епископа Игнатия (Брянчанинова). Т. I: Аскетические опыты. 3-е изд. СПб.: Изд. книгопродавца И.Л. Тузова, 1905. С. 527.

нию и мучению. Иными словами, в центре драмы человеческого грехопадения — искаженное и неправильное применение свободной воли самими людьми, ложное использование богоподобного дара свободы.

Хомяков пишет: «Говорю вам: доколе во мне нет греха, доколе я не обнаружил порочности моего нравственного существа, Бог не может наслать мне ни скорби, ни болезни, ни даже малейшей печали, как бы ни была она кратковременна: иначе Он перестанет быть Богом правды и благодати. Пока не осудил я сам себя, действием собственной своей воли, я достоин самых светлых лучей Его солнца, самых теплых дыханий ветра, самых сладких ощущений бытия, Он обязан дать мне блаженство»². Хотя слова Хомякова об обязанности Бога очень коробят слух православного человека (кстати, такие, мягко говоря, филологические вольности у него часто встречаются в текстах), однако Хомяков верно отражает основную христианскую мысль о том, что Бог *хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины* (1 Тим. 2, 4), *ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3, 16).

Ясно, что грех и его последствия (болезни и страдания, смерть и тленность) — последствия нашего ложного свободного выбора, а не произведение Бога: «В силу этого соединения, которым заявляется порочность, скрытая в нашей воле, мы наследуем тело, подверженное страданию. Первоначальный грех стал грехом первородным, потому что духовная жизнь, от самого своего начала, есть уже акт»³. Из контекста очевидно, что под словом «акт» Хомяков подразумевает действие, влекущее за собой определенные последствия.

Хомяков задается вопросом: «Каким образом первородный грех мог сделаться наследственным; а равно как могло

² Хомяков А.С. Полное собрание сочинений. Т. 2. М.: Университетская типография, 1886. С. 281.

³ Там же. С. 282.

сделаться наследственным же страдание, ему сопутствующее и карающее его?»⁴.

И так отвечает на этот вопрос: мы сами в наследство друг другу передаем удобопреклонность ко греху, «каждый человек при рождении получает это наследие несчастья»⁵. И только Христос в силу соединения в Нем Божественной и человеческой природы был свободен от этого порочного наследия, ибо «Его духовное естество, человеческое, но совершенное, как само Божество, было несовместимо с грехом; оно не было (ибо не могло быть) соединено с таким телом, для которого законом был бы грех»⁶.

Такая позиция Хомякова находится в безусловном согласии с учением Церкви, выраженным в Оросе IV Вселенского Собора (451): «Итак, последуя Святым Отцам, все согласно поучаем исповедовать одного и того же Сына, Господа нашего Иисуса Христа, совершенного в Божестве и совершенного в человечестве, истинно Бога и истинно человека, того же из души разумной и тела, единосущного Отцу по Божеству и того же единосущного нам по человечеству, во всем подобного нам, кроме греха»⁷.

Кроме того, Хомяков подчеркивает добровольность жертвы Христа, а также то, что именно для этого Христос и пришел на землю. В этом он видит единственный смысл Его жизни — в осознанной и свободно избранной смерти ради освобождения Своего творения от лап диавола, от тисков смерти и тления.

В то же время в мыслях Хомякова о первородном грехе есть видимые противоречия. Выше мы уже заметили, что он

⁴ Хомяков А.С. Указ. соч. С. 282.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Цит. по: Великанов П., прот. О человеческой природе Господа нашего Иисуса Христа [Электронный ресурс]: сайт. URL: https://azbyka.ru/otechnik/bogoslovie/o-chelovecheskoj-prirode-gospoda-nashego-iisusa-hrista/#0_2 (дата обращения: 12.10.2018).

понимает грех как рану или болезнь, которую человек наносит сам себе определенными действиями. Налицо святоотеческий подход в данном вопросе, основанный на представлении о грехе как о болезни человеческой личности. Но затем Хомяков говорит о том, что грех подвергает «нас тяжести Божественного гнева. Таким-то образом, правосудие Божие является решительно правым в наших страданиях и в нашем осуждении». Здесь мы видим юридическое и больше католическое понимание сущности грехопадения, указание на необходимость Божественного наказания павшего человека.

Хотя мы встречаем подобное толкование и у некоторых святых отцов и даже в Священном Писании, однако оно является скорее аллегоричным и образным, необходимым для лучшего понимания тяжести греха простыми людьми, нежели таким толкованием, которое точно соответствует церковному пониманию сущности грехопадения как болезненной раны, наносимой человеком своей природе, влекущей за собой онтологический разрыв с Творцом.

Завершая тему первородного греха и его последствий, стоит сказать о том, что Хомяков критиковал протестантов, неправильно толковавших слова апостола Павла о том, что *одним человеком грех вошел в мир* (Рим. 5, 12), и отрицавших православное учение о первородном грехе⁸. Ссылаясь на слова апостола Павла, Хомяков, кроме того, задал весьма практический вопрос своему протестантскому оппоненту Бунзену: если нет последствий первородного греха, то почему существуют невинные страдания младенцев?

Начиная свой разговор о существе спасения человека Богом, Хомяков указывает на сочетание во Христе правды (правосудия) и любви (милосердия). Хомяков размышляет: так как бесконечный и всесовершенный Бог Отец не может быть

⁸ Хомяков А.С. Указ. соч. С. 279.

мерилом конечного и несовершенного человека, то Он отдает весь суд Христу — Богочеловеку, облеченному в немощь нашего телесного существа. Писание говорит об этом: *Ибо Отец и не судит никого, но весь суд отдал Сыну* (Ин. 5, 22).

Итак, с одной стороны, Хомяков говорит, что «Христос один есть мера всей твари: оттого Ему отдан верховный Суд»⁹. Но с другой стороны, «Христос есть не только правда вечного Отца: Он есть еще бесконечная любовь Отца»¹⁰. Вот в этом соединении во Христе праведного Судии и любвеобильного Спасителя, по мнению Хомякова, и заключается все существо спасения человека Богом: «А потому самому Он есть не только осуждение греха, но Он же есть спасение, единственно возможное для грешника. Существо Божие не может принять греха, потому что грех сам по себе есть произвольное удаление от Бога; он есть эгоизм твари, предпочитающей себя Богу. Но любовь Христова не оставляет твари. Он не хочет разлучаться с нею; Он соединяется с ней единением внутренним и совершенным. Он принимает тяжесть греха, которому Он есть осуждение. С тварью и для нее Он становится действительным грехом, ибо Он может им быть как существо ограниченное»¹¹.

Несмотря на всю оригинальность изложения и явную некорректность фразы о том, что Христос «становится действительным грехом», понимание Хомяковым сущности спасения Христом человечества вполне соответствует Преданию Церкви. Так, Хомяков говорит, что благодаря Своей Божественной природе Христос не принадлежит греху, но осуждает его, а благодаря Своей человеческой природе Христос имеет органическое и внутреннее единство со всеми людьми. А именно в этом нераздельном, неслиян-

⁹ Хомяков А.С. Указ. соч. С. 224.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 224–225.

ном, неразлучном и непреложном единении двух природ в одной Личности (Ипостаси) Богочеловека Иисуса Христа заключается спасение человеческого рода, согласно учению Церкви.

Вслед за святыми отцами Хомяков говорит о добровольности смерти Христа, ибо как Богочеловек Он мог не умирать не только по Божеству, но и по человечеству, по плоти: «Он несет приговор, которому подверг Себя; этот приговор — смерть»¹². В другом месте Хомяков говорит, очевидно, об этом же, но опять в своей очень неуклюжей манере: «Грех (который есть эгоизм твари), принятый свободно любовью, внезапно преобразился: он стал совершенством жертвы и, так сказать, венцом Божественного совершенства»¹³.

О добровольности смерти Христа, но намного более правильными и ясными словами, говорят, например, святитель Афанасий Великий¹⁴ и преподобный Иоанн Дамаскин¹⁵. Правда, Хомяков не объясняет, для чего Христос принял смерть. По нашему мнению, ответ очевиден: для того, чтобы разрушить ад и то онтологическое средостение, которое обезображенная грехом воля человека создала между умершими людьми и вечно Живым Богом. Ибо другая, не онтологическая, а, например, педагогическая причина была бы несоответствующей той величайшей миссии, которую совершил Христос, — воссоединению Творца и твари.

Говоря о Христовой смерти, Хомяков добавляет: «Но тем самым совершена и победа»¹⁶. Он словно повторяет пасхальный тропарь с его конечными словами: «Смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав».

¹² Там же. С. 225.

¹³ Там же.

¹⁴ См.: *Афанасий Великий, свт.* Творения. Т. 4. М., 1994. С. 458.

¹⁵ См.: *Иоанн Дамаскин, прп.* Точное изложение православной веры. М., 1992. С. 168.

¹⁶ *Хомяков А.С.* Указ. соч. С. 225.

Также вторя отцам, Хомяков говорит и о взаимопроникновении (греч. *περιχώρησις*)¹⁷ двух природ во Христе, что объясняет содержание их единения (стоит опять указать на неаккуратность выражений Хомякова в этой очень тонкой богословской сфере): «Тем же самым действием, которым Христос, через соединение Свое с тварью несовершенною или виновною, становился ответственным в грехе, становится и грешник участником в совершенстве своего Спасителя. Поэтому самому всякое существо, не отметающее Христа, примиряется с Богом; всякий грех обращается в правду, всякий грешник становится сыном Божиим; ибо Христос вследствие Своего соединения с тварью, соединения не отвлеченного, а реального, для одних есть оправдание их несовершенства, хотя и непроявленного, а для других Он искупление их обнаружившегося греха»¹⁸.

На последних словах следует остановиться. Несмотря на их туманность, можно сделать предположение о том, что Хомяков разделяет спасительную миссию Христа в отношении людей на два вида, тем самым деля людей на две группы. Похоже, что он говорит о восполнении (оправдании) непроявленных несовершенств святых, а также об искуплении проявленных грехов грешников. Но все это совершается благодаря Крестной Жертве Христа и нашему единению с Ним.

Очень эмоционально Хомяков говорит и о Самоумалении, Самоистощании (греч. *κένωσις*) Христа во время Его Крестных страданий: «Чье око измерит эту бездну унижения и страданий? Кто поймет ужас борения, слезы и пот кровавый? Кто найдет в себе сколько-нибудь чувства любви, способной ответить на эту бесконечную любовь?»¹⁹. Концепция

¹⁷ См., например: *Григорий Богослов, свт.* Творения: В 2 т. Т. 2. СПб., 1903. С. 10 (Послание 3. К пресвитеру Кледонию против Аполлинария — первое).

¹⁸ Хомяков А.С. Указ. соч. С. 225.

¹⁹ Там же.

кенозиса имеет свои основания в Священном Писании, в частности в словах о том, что Христос *уничтожил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человекам и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти, и смерти крестной* (Флп. 2, 7–8), а также в других его местах (1 Ин. 4, 10; 2 Кор. 8, 9; Евр. 4, 15; 5, 7–8; Лк. 4, 2; Мф. 27, 46; 27, 60).

Говоря о спасении, Хомяков называет два неперемennых условия соединения с Господом Иисусом Христом — это вера в Него и жизнь в Его Церкви. Он говорит, что спасает Сам Христос через Свою Церковь и ее таинства, а не вера сама по себе: «Веруешь ли во Христа — Христом спасешься в вере; веруешь ли в Церковь — Церковью спасаешься; веруешь ли в Таинства Христовы — ими спасаешься: ибо Христос Бог наш в Церкви и в Таинствах»²⁰. Иными словами, очевидно, что для Хомякова спасение возможно только в лоне Церкви через участие в ее таинствах. Хомяков последует за апостолом Павлом и святыми отцами в их органической эkkлeзиологической концепции, в их понимании Церкви как Тела Христова. Он говорит, что «Церковь — тело Самого Христа, Богочеловека, Спасителя нашего»²¹.

При этом Хомяков замечает, что Бог не связан какими-то ограничениями и может дать Свою благодать и вне рамок таинств, например как до крещения, так и после. Так, сотник Корнилий и его дом получили благодать до крещения (см.: Деян. 10, 44), а каженик (евнух) — после него (см.: Деян. 8, 39).

Говоря о таинстве Церкви, благодаря которому совершается первый шаг к спасению — о крещении, Хомяков упоминает о том, что некоторые не крестят младенцев (намек на баптистов), но Церковь крестит, ибо благодать Божия действует и помимо сознания. Пример: Иоанн Креститель,

²⁰ Там же. С. 20.

²¹ Там же. С. 228.

который взыграл во чреве матери при приближении Богородицы (см.: Лк. 1, 44).

Здесь мы видим явное указание на то, что таинство спасения человека осуществляется не только на уровне разума (сознания, интеллекта), но и на уровне сердца (интуиции, подсознания). Как мы помним, в Евангелии сказано о том, что Царствие Небесное не приходит приметным образом (см.: Лк. 17, 20–21).

Хомяков позволяет себе рассуждать и о возможности спасения нехристиан. Так, он говорит, что праведно живущие люди любят Христа, не зная Его, делая добрые дела. Таких людей Хомяков сравнивает с самарянами, которые поклонялись Богу, не ведая Его: «Не Христа ли любит тот, кто любит правду? Не Его ли ученик, сам того не ведая, тот, чье сердце отверсто для сострадания и любви? Не единственному ли Учителю, явившему в Себе совершенство любви и самоотвержения, подражает тот, кто готов жертвовать счастьем и жизнью за братьев? Кто признает святость нравственного закона и, в смирении сердца, признает и свое крайнее недостойнство перед идеалом святости, тот не воздвиг ли в душе своей алтарь Тому Праведнику, перед Которым преклоняется воинство умов небесных?.. Говоря точнее: не Его ли он любит, только под другим именем. ...Ибо правда, сострадание, сердоболие, любовь, самоотвержение, наконец, все поистине человеческое, все великое и прекрасное, все, что достойно почтения, подражания, благоговения, все это не различные ли формы одного имени нашего Спасителя?»²². Судя по всему, в этой длинной цитате Хомяков говорит об иноверцах, о возможности их спасения. Ясно, что он основывается на словах апостола Павла о том, что *внешних же судит Бог* (1 Кор. 5, 13). Церковь знает учение о естественном законе (совести), который написан в сердцах всех людей и является отголоском того богопочитания, которое имели наши прародители

²² Хомяков А.С. Указ. соч. С. 229.

в раю. Это учение базируется на словах апостола Павла (см.: Рим. 2, 14–15) и отражено в мыслях многих святых отцов (мч. Иустин Философ, сщмч. Иринея Лионский, сщмч. Мефодий Олимпийский, свт. Афанасий Великий, свт. Василий Великий, свт. Григорий Богослов, свт. Иоанн Златоуст, свт. Кирилл Александрийский, прп. Максим Исповедник)²³.

Затем Хомяков говорит о надежде на спасение инославных, представителей различных христианских деноминаций. Он упоминает о тех людях, которые искренне стремились к истине, слышали христианскую проповедь, но из-за того, что христианское учение было преподано с заблуждением, не приняли христианство (из контекста видно, что для Хомякова инославные христиане не являются христианами вообще). При этом он добавляет, что даже в христианских сектах, то есть у инославных, есть люди, которые, несмотря на ложность их доктрин, живут настоящей христианской духовной жизнью.

Однако Хомяков не впадает в иллюзию концепции всеобщего спасения, он лишь рассуждает о возможности спасения неправославных людей, находящихся вне границ видимой Церкви. Он говорит, что «Церковь — не в более или менее значительном числе верующих, даже не в видимом собрании верующих, но в духовной связи, их объединяющей»²⁴. Хомяков лишь позволяет себе «питать сладкую надежду за всех наших братьев, каковы бы ни были заблуждения их учений. Мы твердо знаем, что вне Христа и без любви ко Христу человек не может быть спасен»²⁵. Однако, опираясь на слова Христа о том, что хула на Сына Человеческого простится, Хомяков, как мы видели выше, выражает надежду на спасение всех искренних и добрых людей, которые по каким-то

²³ См.: Платон (Игуменов), архим. Православное нравственное богословие. М.: Изд-во СТСЛ, 1994. С. 35–37.

²⁴ Хомяков А.С. Указ. соч. С. 228.

²⁵ Там же.

причинам не знали о Христе или узнали Его учение в ложном неправославном виде.

Стоит указать, что Хомяков добавляет, что «все они, от идолопоклонника до сектанта, более или менее погружены во тьму; но всем виднеются во мраке какие-нибудь мерцающие лучи вечного света, доходящего до них различными путями (видимо, он говорит о первоначальной просвещающей благодати, призывающей всех людей к покаянию.— *Авт.*). Конечно, слабы, недостаточны эти лучи и каждую минуту могут угаснуть во мраке сомнения; но все они идут от Бога (видимо, он имеет в виду Бога Отца.— *Авт.*) и от Христа, и средоточие у них одно: в солнце Истины, которое светит для Церкви»²⁶. В этом месте Хомяков допускает серьезную богословскую ошибку, ибо он называет источником Божественной благодати не все три Лица Святой Троицы, а два — Бога Отца и Сына Божия Иисуса Христа. Но если вернуться к сотериологической теме нашей статьи, можно уточнить, что таким образом Хомяков хотел сказать, что призывающая благодать в полноте своей действует только в лоне Православной Церкви, вне ее она легко может потеряться под давлением ложных учений и обычаев, инспирированных диаволом.

В пользу того, что сотериологическая позиция Хомякова сугубо православна, можно привести его критические слова в отношении католицизма и протестантизма: «Где же юридические заслуги, выдуманные Римом, когда вне Христа все грех и когда все претворяется в правду о Христе? Где фатализм кальвиниста, когда единственное осуждение греха и единственное спасение грешника есть именно свобода человеческая во Христе? Где, наконец, слепая мудрость унитария, мечтающего, что можно иметь Бога и обходиться без Христа?»²⁷.

²⁶ Хомяков А.С. Указ. соч. С. 230.

²⁷ Там же. С. 226.

В завершение необходимо отметить грубейшую ошибку Хомякова, которая должна стать предметом отдельного исследования. Он много говорит о возможности спасения только в Церкви, о том, что только благодаря церковным таинствам возможно единение христиан во взаимной любви. Однако он почти совсем не говорит о второй стороне спасения, без которой оно невозможно, — о необходимости личного аскетического подвига, ибо, по мысли святых отцов, именно на этих двух столпах — на личной аскезе и сакраментальной соборной церковной жизни — строится все наше спасение. Об этом говорят все святые отцы Церкви на всем протяжении церковной истории, а также православные подвижники современности. Для примера можно привести несколько имен святых — преподобных Антония Великого, Макария Великого, Иоанна Лествичника, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, святителя Григория Паламу, а также наших современников — архимандрита Софрония (Сахарова), схимонаха Иосифа Ватопедского, митрополита Иерофея (Влахоса).

В развитие этой темы стоит добавить, что Хомяков не говорит о страстях и способах борьбы с ними, он очень мало и невнятно говорит о личной молитве, об Иисусовой молитве мы не находим у него ничего, о послушании Хомяков не ведет речи вообще, у него нет рекомендаций по чтению духовной литературы, прямые ссылки на святоотеческие творения и даже на Священное Писание почти отсутствуют. Наконец, Хомяков не упоминает о необходимости подготовки к таинствам. А ведь без всего этого невозможна аскетическая жизнь, а значит, и спасение. На проблемы Хомякова в области аскетического учения указывают несколько современных авторов. Например, об этом пишут В.М. Лурье в работе «Догматические представления А.С. Хомякова (очерк становления

и развития)»²⁸ и протоиерей Павел Хондзинский в своей статье «Теология счастья»²⁹. В работе Хондзинского эта проблема видится самой разработанной, ибо Лурье больше останавливается на догматических и терминологических ошибках Хомякова. Хондзинский в качестве вывода ставит вопрос о том, могут ли быть православными сами богословские взгляды Хомякова при его несерьезном отношении к аскезе.

В заключение статьи стоит сделать следующие выводы. В отношении учения о первородном грехе Хомяков рассуждает вполне православно. Однако если говорить о его учении о спасении, то следует отметить и положительные, и отрицательные стороны. Достоинства хомяковской сотериологии в том, что он говорит, что спасение осуществляется Самим Христом; Хомяков вслед за апостолом Павлом и святыми отцами разрабатывает органическое учение о Церкви как о Теле Христовом, в котором осуществляется спасение человека; он говорит о необходимости для спасения участия человека в таинствах Церкви. Иными словами, у Хомякова детально разработана, так скажем, Божественная, или церковная, сторона спасения.

Но в деле спасения участвует не только Бог и Его Церковь, но и человек. Так вот, с человеческой стороны спасения у Хомякова есть проблемы, ибо она не ограничивается лишь церковной жизнью, а включает в себя и личный подвиг. Так, даже если признать многие терминологические, филологические и даже некоторые богословские ошибки Хомякова (например, его мысль об исхождении Божественной благодати от Бога Отца и Бога Сына) незначительными, то у

²⁸ *Лурье В.М.* Догматические представления А.С. Хомякова (очерк становления и развития) [Электронный ресурс]: сайт. URL: <http://hgr.narod.ru/homyakov.htm> (дата обращения: 12.10.18). Загл. с экрана.

²⁹ *Хондзинский П.В., прот.* «Теология счастья» [Электронный ресурс]: сайт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teologiya-schastyia> (дата обращения: 12.10.18). Загл. с экрана.

него имеется то, о чем умалчивать категорически нельзя. Он почти ничего не говорит о необходимости личной аскезы и правилах духовной жизни. Именно это является грубейшей ошибкой Хомякова, которая придает его учению о спасении однобокий и не совсем православный характер.

Единственным смягчающим обстоятельством является то, что он во многих своих трудах постоянно, хотя и несистемно говорит о необходимости молитвы, дел милосердия и особенно о приоритете и первенстве любви. Однако еще раз подчеркнем, что его аскетическое учение является абсолютно неразработанным, что соответствующим образом отражается на всем здании его учения о спасении.